

ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Взгляд из Москвы
и Шанхая

Высшая
школа
экономики

Факультет
философии

Шанхайский
университет

Философский
факультет

Философия в университете

Взгляд из Москвы и Шанхая

Санкт-Петербург
АЛТЕИЯ

2014

Рекомендовано к печати
Ученым советом факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Ответственный редактор — Д. М. Носов

Философия в университете. Взгляд из Москвы и
Шанхая / отв. ред. Д. М. Носов — СПб.: Алетейя,
2014 — 242 с.

ISBN 978-5-9905926-3-6

В сборнике собраны статьи профессоров и преподавателей факультетов философии Шанхайского университета и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» посвященные осмыслению роли философских курсов в системе современного университетского образования. Сопоставление работ китайских и российских авторов позволяет увидеть как общие черты, так и существенные различия ситуаций в образовании двух стран.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного университетского образования.

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2014
© Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики», 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Перевод с китайского Лепнева М.Л., Хао Чживэй, Тихонова Е.Ф., 2014

Философия и предистория университета

А. М. Руткевич, профессор НИУ ВШЭ

История мысли — это история мысливших людей, которые, как известно, являются социальными существами. Мы не знаем, кем был тот первый индивид, который задал философский вопрос. Вполне вероятно то, что он жил задолго до тех, кого мы относим к философам, поскольку вопросы о том, что такое пространство и время, что такое истина или справедливость, задавались людьми предшествующих античному миру цивилизаций, а в какой-то форме ставились и в палеолите. Философия и наука возникают вместе с передачей такого рода вопросов и ответов, вместе с появлением философских школ, в которых одни учат других, передают накопленные знания следующим поколениям. Университет, т. е. сообщество учителей и учеников (*universitas magistrorum et scholarium*) представляет собой одну из форм такой трансляции знаний, причем форму, которая доныне несет следы своего рождения в средневековой Европе.

Хотя сегодня университеты существуют практически во всех странах мира, университет как «форма жизни» имеет западноевропейское происхождение. Стоит вспомнить о том, что в России первый университет поя-

Рекомендовано к печати
Ученым советом факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Ответственный редактор — *Д. М. Носов*

Философия в университете. Взгляд из Москвы и
Шанхая / отв. ред. Д. М. Носов — СПб.: Алетейя,
2014 — 242 с.

ISBN 978-5-9905926-3-6

В сборнике собраны статьи профессоров и преподавателей факультетов философии Шанхайского университета и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» посвященные осмыслению роли философских курсов в системе современного университетского образования. Сопоставление работ китайских и российских авторов позволяет увидеть как общие черты, так и существенные различия ситуаций в образовании двух стран.

Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного университетского образования.

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2014
© Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики», 2014

© Коллектив авторов, 2014

© Перевод с китайского Лепнева М.Л., Хао Чживэй, Тихонова Е.Ф., 2014

Философия и предыстория университета

А. М. Руткевич, профессор НИУ ВШЭ

История мысли — это история мыслящих людей, которые, как известно, являются социальными существами. Мы не знаем, кем был тот первый индивид, который задал философский вопрос. Вполне вероятно то, что он жил задолго до тех, кого мы относим к философам, поскольку вопросы о том, что такое пространство и время, что такое истина или справедливость, задавались людьми предшествующих античному миру цивилизаций, а в какой-то форме ставились и в палеолите. Философия и наука возникают вместе с передачей такого рода вопросов и ответов, вместе с появлением философских школ, в которых одни учат других, передают накопленные знания следующим поколениям. Университет, т. е. сообщество учителей и учеников (*universitas magistrorum et scholarium*) представляет собой одну из форм такой трансляции знаний, причем форму, которая доныне несет следы своего рождения в средневековой Европе.

Хотя сегодня университеты существуют практически во всех странах мира, университет как «форма жизни» имеет западноевропейское происхождение. Стоит вспомнить о том, что в России первый университет поя-

Устанавливается связь с вопросами первой и второй лекции, благодаря чему сохраняется ясная логическая последовательность и системность всего учебного процесса.

В данном курсе особое внимание уделяется развитию проблемного сознания, стимулированию у студентов самостоятельного мышления, смелой постановки под сомнение различных положений, способности активно дискутировать. В процессе обучения философскому мышлению развивается способность обнаруживать и решать проблемы, благодаря чему в процессе самостоятельного обнаружения, обдумывания и переосмысления проблем студенты преодолевают обыденную и критически-научную модель мышления, обучаются философскому способу мышления, что стимулирует их к развитию мудрости.

Как мне кажется, благодаря обдумыванию и исследованию логики проблем, совмещение общего образования и образования по специальности можно охарактеризовать конфуцианским «почитанием добродетели и одновременным обучением у других». За счет модели проблемного преподавания оптимизирована структура знаний и модель мышления студентов. Мы надеемся, что данный курс станет кузницей философского мышления студентов и перстом, указывающим путь развития мудрости. «Путь предо мной просторный и далекий, Взлечу и вновь спущусь к своей судьбе» («Ли Сао»).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Руткевич А. М.</i> Философия и предыстория университета.....	5
<i>Чжю Чэн.</i> Университетский дух и философское образование.....	29
<i>Оян Гуанмин.</i> Базовый статус философии в высшем образовании в современном обществе.....	47
<i>Крючкова С. Е.</i> Учебник по философии: pro et contra.....	61
<i>Лю Югу.</i> Каким образом философия проявляет свою сущность в университете.....	81
<i>Сидорина Т. Ю.</i> Возможен ли мастер-класс как метод обучения философствованию?.....	101
<i>Драгалина-Черная Е. Г.</i> Logica docens vs logica utens: случай zhèng míng.....	123
<i>Носов Д. М.</i> Этика в университетских курсах.....	137
<i>Кашиников Б. Н.</i> Этика исключений.....	157
<i>Юркевич А. Г.</i> Преподавание китайской философии в российских вузах.....	185
<i>У Лицзюнь.</i> О месте конфуцианства в общем образовании в университете.....	205

критикуя, этику Гегеля как пустую абстракцию, предлагал индивиду брать вожжи в свои руки. Я предлагаю брать в свои руки не только вожжи, но и кнут. Я полагаю также, что делать это необходимо не для личного успокоения или самореализации, как это полагали экзистенциалисты, а для преобразования социального пространства вокруг самого себя.

Преподавание китайской философии в российских вузах: проблема выбора концептуальных подходов и стратегия пропедевтического курса

А. Г. Юркевич, доцент НИУ ВШЭ

В советский период перед преподавателями истории китайской философии проблема выбора концептуального видения этого феномена долгое время не стояла. Господство марксистской теоретической парадигмы обуславливало поиск в китайских философских системах «прогрессивного» материализма либо «реакционного» идеализма, «наивной» диалектики, прямых параллелей с западными философскими учениями. Китайская философия фактически представляла собой одну из локальных теоретических парадигм, исторически изживших себя. Примеры «опережения» западной мысли отдельными китайскими мыслителями, почерпнутые из современной китайской историко-философской литературы, в целом это впечатление не меняли.

В конце 70-х — начале 80-х гг. влияние цивилизационного подхода проявило себя в стремлении выделить специфику китайских философских построений, но опять-таки с учетом марксистской парадигмы — стало допустимо говорить о «сочетании» и «переплетении» ма-

териалистических и идеалистических тенденций даже в рамках учений отдельных мыслителей и т. п. Вместе с тем в 80-е гг. проблема поиска следов материализма и идеализма в китайской философии перестала быть актуальной. Особое внимание стало уделяться проблеме специфики китайской философии, тому, что *обуславливало оригинальную систему философского дискурса, которая могла сложиться и сложилась только в китайской культуре*. Такого рода изыскания приобрели практическую значимость в связи с подготовкой в Институте Дальнего Востока АН СССР (ныне РАН) обобщающих справочно-энциклопедических изданий: сначала энциклопедического словаря «Китайская философия» (гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Мысль, 1994; работа над этим изданием велась с середины 1980-х гг.), а затем энциклопедии «Духовная культура Китая» (в 5 т. + доп. т. М.: Вост. лит., 2006–2010), подготовка которой началась в 1990-е гг.

В 1980-е — начале 1990-х гг. оформились концепции специфики китайской философии, основанные на принципиально новых подходах. Наиболее влиятельные из них легли в основание учебных вузовских курсов. Прежде всего это концепции А. И. Кобзева и А. Е. Лукьянова.

Проф. Кобзев в качестве базовой специфической особенности китайской философии выделяет ее «нумерологическую» (*сян шу сюэ* 象数学) методологию. Эта концепция стала итогом развития отдельного направления в

русской синологии. Нацеленное на поиск «аутентичной методологии у самих китайских мыслителей»¹, оно восходит к исследованиям В. С. Спирина (1929–2002), предложившего метод «системно-структурного» анализа древнекитайских текстов². Он обнаружил нелинейный характер таких текстов, определив двухмерную основу их структурной организации — девятиклеточный квадрат («канон»), который может быть представлен и в трехмерной развертке. В. С. Спирин применил свой метод к «Си цы чжуани» (系辞□ «Комментарии привязанных слов», философичному приложению к «Канону перемен» — «И цзину» 易□), а в 1998 г. его использовали для формального анализа текстов «Дао дэ цзина» 道德□ А. М. Карапетьянц и А. А. Крушинский³. Среди приверженцев «структурно-семантического» метода □构字□方法, нацеленного на выявление в тексте формальных структур, использовавшихся китайской тради-

¹ Рыков С. Ю. Методология науки и философии // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5-ти т. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М., 2009. С. 662.

² См.: Спирин В. С. Построение древнекитайских текстов. М., 1976; СПб., 2006.

³³ Его же. Формальное построение «Си цы чжуани» // Письменные памятники Востока: историко-филологические исследования. 1975. М., 1982; Карапетьянц А. М., Крушинский А. А. Современные достижения в формальном анализе «Дао дэ цзина» // От магической силы к моральному императиву: категория *дэ* в китайской культуре / сост. и отв. ред. Л. Н. Борох, А. И. Кобзев. М., 1998.

цией, далеко не все являются научными единомышленниками (так, по ряду проблем прямо противоположны позиции философов-китаеведов А. И. Кобзева и А. А. Крушинского¹). Не всегда ученые, разрабатывающие в чем-то сходную или смежную проблематику, готовы признать, что имеют отношение к «синологической структуралистике» 学科结构主义. Тем не менее, «системно-структурные» поиски 80-х оказали весьма существенное влияние на историко-научные и историко-философские синологические штудии в России, а признанным лидером этого направления является А. И. Кобзев. Его концепция в наиболее эксплицитной форме отражена в обобщающих теоретических статьях к т. 1 «Философия» энциклопедии «Духовная культура Китая» (М: Вост лит., 2006); ее влияние заметно в курсе лекций С. Ю. Рыкова (ГАУГН) по истории древнекитайской философии².

Концепция А. Е. Лукьянова тоже имеет прямое отношение к выявлению структурно-семантических связей в китайских классических текстах. Но она в некотором смысле является альтернативой «системно-структурному» подходу. Проф. Лукьянов откровенно не принимает характерную для подобных исследований отстраненность

¹ См.: Рыков С. Ю. Указ. соч. С. 665–666.

² См.: Его же. Древнекитайская философия: курс лекций. М., 2012.

от научного материала¹ и статичность выявляемых ими моделей. Он исходит из того, что произведения китайской философской классики содержат в себе динамическую («пульсирующую») модель макрокосма, изоморфную микрокосму-человеку и локальной культуре. Концепция строится на идее о том, что в основании базовых для локальных цивилизаций философских традиций лежат системы культурных архетипов, которые облачают в самобытную форму универсальные базовые архетипические конструкты. Главным для китайской «культуры Дао» А. Е. Лукьянов считает архетип у син 五行 («пять элементов», «пять стихий»), а важнейшую задачу исследователя китайской философской классики видит в реконструкции запечатленной в древних памятниках динамической картины «китайского (культурного) космоса». Концепция А. Е. Лукьянова отражена в ряде монографий, а также в программе курса лекций по истории китайской философии (Лукьянов А. Е., Феоктистов В. Ф. Программа курса лекций «История китайской философии» для студентов философских факультетов высших учебных заведений России. М.: ИДВ РАН, 1998).

Помимо базового концептуального подхода, структура и содержание курса по китайской философской традиции неизбежно зависят также от особенностей це-

¹ Лукьянов А. Е. Лао-цзы и Конфуций: философия Дао. М., 2000. С. 10.

левой аудитории — специализации студентов, ступени обучения, знания ими китайского языка. Целевая аудитория обуславливает цели и задачи обучения.

Так, студенты-философы, изучающие китайский язык, должны научиться читать и интерпретировать древние и средневековые тексты на китайском языке в оригинале, что требует освоения литературно-письменного языка *вэньяня* и прохождения либо длительного курса истории китайской философии, рассчитанного на несколько лет, либо, помимо базового курса истории китайской философии, также спецкурсов по отдельным проблемам китайской философской традиции по выбору. Специальность «Востоковедение и африканистика», которая предполагает широкий спектр специализаций начиная с третьего года обучения, на уровне базового обучения требует от студентов прежде всего понимания исторической логики развития китайской культуры. Поэтому преподавание истории китайской философии в данном случае должно опираться на максимально широкий общекультурный контекст. Для студентов-философов, не знакомых с китайским языком, важнее уяснить специфику китайской философской картины мира — того, что принципиально отличает китайскую философскую традицию от западной и может способствовать поиску новых форм философского дискурса.

Примечательно, что принципиально различные концепции А. И. Кобзева и А. Е. Лукьянова легли в основание длительных учебных курсов по истории китайской философии, рассчитанных на три года бакалавриата. Ученик А. И. Кобзева С. Ю. Рыков читает соответствующий курс в Государственном академическом гуманитарном университете (ГАУГН), сам А. И. Кобзев — на философском факультете РГГУ, А. Е. Лукьянов — в Институте античности и восточной культуры РГГУ. Разработанные ими учебные программы, во-первых, довольно жестко обусловлены исходной концепцией специфики китайской философии, во-вторых, рассчитаны на длительный срок. Последнее условие редко удается соблюсти на практике. В большинстве случаев продолжительность базового курса по истории китайской философии не превышает одного семестра. К тому же в некоторых вузах учебные группы студентов-философов, в программу обучения которых входит курс истории китайской философии, могут включать и тех, кто изучает китайский язык, и тех, кто с ним не знаком. Не всегда удается убедить администрацию университета в необходимости включения изучения *вэньяня* в программу подготовки философов со знанием китайского языка. Нередко китайскую философию включают в программу обучения первого курса, на том этапе, когда студенты в лучшем случае

едва успевают прослушать вводный курс по философии и слабо знакомы с историей китайской культуры.

Поскольку существующие учебные программы редко позволяют надеяться на идеальные условия для преподавания курса китайской философии, то возникает *необходимость выработки некой общей стратегии построения пропедевтического курса независимо от целевой аудитории*. При неизменности базовых принципов такой стратегии особенности содержания курса, объем доводимой до студентов информации, степень ее конкретизации должны поддаваться корректировке в зависимости от особенностей студенческой аудитории и цели преподавания.

Главный принцип такой стратегии — переход к изучению собственно истории китайской философии только после того, как будут кратко рассмотрены проблемы определения специфики китайской философской традиции и основ ее понятийного аппарата. Лекционный курс имеет смысл начинать с демонстрации наиболее ярких примеров общего и особенного в философских традициях, рожденных крупнейшими локальными цивилизациями.

При этом следует отметить, что концепция А. Е. Лукьянова, хотя и имеет некоторый пропедевтический потенциал (поскольку ориентирована на самые распространенные в китайской философии бинарную и пя-

теричную структурные модели), в целом менее пригодна для создания на ее основе вводных и неспециализированных (предназначенных не только для специальности «философия») курсов. Прежде всего потому, что она требует от студента безоговорочного принятия ряда дискуссионных постулатов. К таким постулатам относятся, во-первых, не вполне общепринятые истолкования ряда распространенных терминов (например, понятия «архетип»), во-вторых, нацеленность на обязательный поиск в китайском философском тексте некоего рефлексивного отпечатка «китайского космоса» с заранее заданными параметрами функционирования. Однако большинство коллег проф. Лукьянова, с которыми автору данного материала приходилось обсуждать его построения, не вполне согласны ни с его терминологией, ни с тезисом о неизбежном присутствии в тексте целостного «китайского космоса», ни с заданностью его параметров, в некотором смысле лишаящей цели исследовательский процесс, ни с истолкованием особенностей «космоса» — то ли субъективно дискурсивной, то ли существующей независимо от дискурса метафизической реальности. В результате возникает риск чрезмерного отрыва пропедевтического курса от конвенционального опыта отечественной синологии. Этой опасностью чревато и жесткое следование приоритетам любой другой целостной и оригинальной историко-философской концепции.

Мы предлагаем при определении «сходств и различий» китайской и иных философских традиций исходить из того, что локальные философии отличаются друг от друга, во-первых, **понятийным аппаратом** (языком философской рефлексии), во-вторых, **способами постановки и решения философских проблем** (дискурса); в-третьих, **философскими картинами мира**, которые, с одной стороны, во многом обусловлены первыми двумя факторами, с другой — складываются под воздействием дофилософского культурного мировоззрения.

Этим положениям соответствуют достаточно конвенциональные для современной российской синологии тезисы об особенностях собственно китайской философии.

1. Главным фактором специфики понятийного аппарата китайской классической философии является то обстоятельство, что *иероглифические обозначения философских понятий приходили преимущественно из обыденного китайского языка и оставались его достоянием, — в отличие от западной философской культуры, в которой основу терминологического аппарата составляли специальные слова греческого и латинского корня*¹. Это обусловило широту семантических полей тех иероглифов, которые принялись для обозначения философских

¹ Подробнее об этом см.: Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. С. 28–46.

понятий. При этом *китайский философский понятийный аппарат практически совпадает с лексиконом «высокой» (книжной) культуры и традиционной науки*, т.е. является ключом к постижению оснований китайской интеллектуальной традиции в целом.

2. В китайской традиции не сложилась *силлогистическая логика западного типа, и ее функциональную методологическую роль играла теоретическая дисциплина (или ряд дисциплин), оперировавшая особого вида классификационными схемами (инь-ян 阴阳, сань цай 三才, у син 五行, ба гуа 八卦, люши сы гуа 六十四卦 и проч.), служившими для систематизации материала и выработки комплексов теоретико-методологических процедур (в том числе прогностических) во всех областях знания*¹.

Что касается особенностей философской картины мира в китайской традиции, то они могут быть проиллюстрированы двумя тезисами.

3. В классической китайской философии господствовали *натурализм (здесь — взгляд на мир, согласно которому природа выступает универсальным принципом объяснения всего сущего, мир истолковывается исходя из*

¹ Примененная в п. 2 формулировка позволяет избежать привязки к конкретным дефинициям упомянутой теоретической системы, относительно которых среди российских синологов существуют серьезные разногласия. См. о них: Рыков С. Ю. Методология науки и философии. С. 663–665.

него самого), представления о гомоморфизме макро- и микрокосма. В натуралистической китайской мысли не были самостоятельно выработаны абсолютные аналоги понятий «идеи» и «материи», которые были бы поставлены в такие же противоречивые отношения, как в западной мысли. Это лишает научного смысла поиск «идеализма» и «материализма» в китайской философии.

4. Противопоставление, бинарность в китайской философии чаще всего подразумевают взаимодополнение и даже взаимопорождение, оставляя противоречивость эмоциональной полемике, сфере общественной мысли и политики. В структуре реальности акцентируются факторы целостности и гармонии. Считается, что эта целостность заложена в самой первооснове бытия.

Проиллюстрировать эти черты китайской классической философии посредством ограниченного набора понятий позволяют соображения философа и религиоведа Е. А. Торчинова (1956–2003). Он отмечал, что базовые понятия китайской философии накладываются на условную шкалу этапов космо-антропогенеза — процесса саморазвертывания Дао-универсума в мир феноменов¹. Данное заключение российского синолога говорит о возможности сгруппировать основополагающие для китайской философии и культуры понятия как маркеры общих

¹ Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб., 2005. С. 69–73.

закономерностей космогенеза. При этом на начальном этапе преподавания вводного курса нет необходимости обращаться к тем описаниям процесса космогенеза, которые представлены в китайской философской классике. На этом этапе ставится иная цель — познакомить обучаемых с минимальным набором понятий китайской философии, используя его для демонстрации **принципиальной логики** тех моделей космогенеза, с которыми учащиеся будут впоследствии сталкиваться при изучении (в переводе или оригинале) философских текстов.

Терминологическое выражение принципов и логики космогенеза

Исходное основание космогенеза — изначальная недифференцированная целостность.

1) Дао 道 — «Путь», исток мироздания, принцип и алгоритм миропорядка, универсум и Абсолют, пребывающий до развертывания космогенеза в фазе совершенной трансцендентности; космос явит собой процесс и результат саморазвертывания Дао, пронизывающего и объемлющего мир феноменов;

2) хуньдунь 混沌 — «хаос», метафора абсолютной нерасчлененности и единства;

3) уи 无 — «отсутствие/небытие», в совр. философской лексике — «небытие», но в традиции подразуме-

вает некое «неналичное бытие», «предбытие», порождающее «наличие»;

4) *юань ци* 元气 — «изначальная пневма», «изначальное *ци*»; потенция субстанциальности мира, обуславливающая наличие в нем универсальной космической субстанции *ци* («энергии», «пневмы», «дыхания»);

5) *у цзи* 无极 — «Беспредельное», изначальная целостность, осмысляемая по отношению к порогу космогенеза, предполагающему потенциальную дифференциацию;

6) *син эр шан* 形而上 — «надформенное», обобщающее обозначение состояния универсума до появления чувственно воспринимаемых «телесных форм» *син* 形; объемлет изначальную целостность и начальные этапы ее дифференциации (до рубежа «оформленности»); иероглиф *шан* 上 — «над», входящий в состав термина, подразумевает и временное, и аксиологическое первенство по отношению к следующей фазе развертывания универсума (в перзичной целостности «надформенного» заложен потенциал гармонии, который может быть реализован в мире феноменов).

Становление «телесных форм»: обозначения аспектов и атрибутов мира феноменов и перехода к нему

1) *Дао*-«Путь» в фазе имманентности, присутствия в динамике космических превращений (*и* 易 — «пере-

мен», или *шэн шэн* 生生 — «порождающие порождения»);

2) *тянь ди* 天地 — Небо и Земля, обозначение бинарного универсума как иерархизированного взаимодействия двух природных начал; два полюса «Одного/Единого» (и —) — универсума, становящегося космосом, но неотторжимого от *Дао*;

3) *ю* 有 — «наличие/бытие»; наличное бытие, порождаемое «отсутствием/небытием»;

4) *цзин ци шэнь* 精气神 — «семя», «пневма», «дух»; три главных модуса вселенской субстанции, взаимодействующие друг с другом; возникают в результате дифференциации абсолютного единства «изначальной пневмы»: «семя»-*цзин* 精 обуславливает космическую «порождающую» функцию (в организме — вегетативные, в том числе сексуальные функции), собственно «пневма»-*ци* 气 — «энергийный» фактор (в организме — «жизненная энергия»), «дух»-*шэнь* 神 — фактор, обеспечивающий «взаимореагирование» вещей (в организме — функции психики и мышления);

5) *тай цзи* 太极 — «Великий предел», начальная точка космогенеза и алгоритм саморазвертывания универсума;

6) *син эр ся* 形而下 — «подформенное», обозначение этапа существования чувственно воспринимаемых

«форм»; иероглиф ся 下 — «под» — подразумевает вторичность по отношению к «надформенному»;

7) у 物 — «вещь», объект материального мира; вань у 万物 — «десять тысяч вещей» означает «все множество вещей»;

8) хэ 和 — «гармония», динамическое равновесие, понятие, наиболее близкое к западному понятию гомеостаза; совершенство изначальной целостности служит залогом возможности добиться гармонии макро- и микрокосма.

В представленном перечислении почти каждому обозначению первого раздела соответствует позиция второго раздела (за исключением понятий «вещь»-у и «гармония»-хэ). При этом первая позиция в обоих разделах представлена понятием Дао, но в разных модусах, для выделения которых дает основания текст «Дао дэ цзина»; здесь эти модусы соотнесены с фазами «предбытия» (изначальной целостности) и наличного бытия. Такая парность, во-первых, должна облегчить усвоение студентами первичного набора терминов, во-вторых, дает повод к разговору об универсальном дуализме в китайской философской и культурной традиции (а применительно к Дао — и о парадоксальной для западной философской традиции возможности соотнесения мироисточника и мирозаконности с трансцендентным и имманентным одновременно). Этот разговор следует начать с разъяснения студентам принципов базовой классификационной схемы инь-ян 阴阳, харак-

тера взаимодействия противоположностей (взаимодополнение, взаимопроникновение, взаимопревращение и т. д.), о реализации модели инь-ян в практически бесконечном ряду оппозиций, о ее значении в традиционной китайской науке (наиболее легко запоминаются примеры, связанные с фенологией и традиционной китайской медициной).

Сразу же после этого имеет смысл объяснить связь двоичной и пятеричной (у син 五行) классификационных схем. Их универсальный характер проще всего проиллюстрировать на примере традиционного китайского календаря инь-ли 阴历. Для этого сначала на примере годового цикла и сторон света надо объяснить пространственно-временной смысл этих моделей; потом показать простейшие последовательности «пяти элементов» (взаимопорождение и взаимопреодоление) с кратким экскурсом в теорию китайской медицины — учение о пяти «полых» и пяти «плотных» органах, о достижении их гармоничного взаимодействия, синхронизированного с природными циклами; далее осветить коннотации «элементов» с планетами, эмоциями, звуками, цветами и т. п., что позволяет перейти к объяснению логики 60-летнего цикла и его связи с зодиаком. Такие объяснения на популярных примерах помогают быстро усвоить возможности пятеричной классификационной модели и способов ее применения в китайской философии и науке.

Объяснение основных принципов «универсального классификационизма» уже на начальном этапе обучения, до

того, как историко-философский материал позволит приступить к подробному ознакомлению с содержанием «Чжоу и» 周易 («Чжоуских перемен») и методов ицзинистики (и сюэ 易学, «учения о переменах»), позволит сразу же на наглядных примерах показать проявления гомоморфизма макро- и микрокосма в китайской мысли, а также «этического универсализма» в классической китайской философии. Для этого схеме космогенеза следует довести до уровня антропогенеза — вершины процесса рождения «десяти тысяч вещей». Кратко охарактеризовав понятия син^性 — «индивидуальной природы» и мин^命 — «предопределения», а также характер связи понятия «индивидуальной природы» с представлениями о «добре» и «зле» (шань 善 — э 恶), далее можно показать проявления идеи интегрированности человека и социума в макрокосм, введя понятие сань цай 三才 — «трех ценностей»: Небо — Земля — Человек. Включенность этики в структуру мироздания подтверждается на примере поставленного в философский контекст мифологического образа пятицветного Феникса (Фэн-Хуан), символизирующего космос; пять цветов его оперения соотносятся с «пятью постоянствами» (у чан 五常) конфуцианства. Этот образ дает возможность продемонстрировать сопряженность этического («пять постоянств») и социально-деятельностного проявлений микрокосма — последнее можно представить дихотомией «культуры» — вэнь 文 и «воинственности/насилия» — у 武, которые должны быть «гармонично» (хэ) сбалансированы.

Помимо этого, упоминание «пяти постоянств» позволяет естественно перейти к теме становления конфуцианской традиции, т.е. к собственно историко-философской тематике.

В зависимости от характера студенческой аудитории (степени ее знакомства с китайским языком и культурой, а также специализации) предлагаемый ей на первых занятиях набор базовых понятий китайской философии может быть шире или уже того, что был представлен выше (в принципе набор философских понятий, которые должны быть знакомы китаеведу, по нашему мнению, должен составлять не менее четырех десятков, фигурирующих в посвященных терминологическому аппарату трудах ряда авторитетных китайских историков философии¹).

Суть пропедевтической стратегии состоит: во-первых, в освоении в самом начале курса некоего базового терминологического набора; во-вторых, в формировании этого набора на основе наиболее общих представлений традиции о содержании процесса космогенеза; в-третьих, в использовании философских терминов для демонстрации и облегчения понимания сущностных особенностей китайской философской традиции (в максимально конвенциональном толковании этих особенно-

¹ См.: Tang Yijie. Lun Zhongguo chuantong zhexue fanchou tixi de zhongwenti // Zhongguo shehui kexue. 1981. N 5; Ge Rongjin. Zhongguo zhexue fanchou shi. Haerbin, 1987; Zhang Liwen. Zhongguo zhexue luoji jiegou lun. Beijing, 1989.

стей); в-четвертых, в том, что закрепление изученного на первых занятиях материала и последующее развитие курса должно строиться на основании проблемно-хронологического подхода к историко-философскому материалу.

Очерченная выше стратегия вводного курса позволяет после первых занятий, посвященных освоению начал понятийного аппарата, гибко варьировать его содержание применительно к разным категориям обучаемых, на последующих этапах закреплять и расширять знания о понятийном аппарате и методологии китайской классической философии на основании изучения ее наиболее репрезентативных памятников.

Кроме того, данная стратегия не исключает возможность ознакомления с разными концептуальными трактовками специфики китайской философии, исходя из пропедевтической целесообразности.

О месте конфуцианства в общем образовании в университете и о программе курса «Философия и мышление»

У Лицунь, доцент Шанхайского университета

I. Философия и общее образование.

Высшее образование обладает двумя главными характеристиками — специализированностью и общностью. Достижение баланса между общим и специальным образованием, университетское образование, которое будет полезно студенту на протяжении всей жизни, — вот идеал всех университетов. Что есть университет? Что есть современный университет? Поиск ответов на эти вопросы ведется еще с середины XIX в. На университет возложена социальная обязанность отвечать потребностям общества и стимулировать его прогресс. Университет обязан предоставлять для этого мысль и силу.

1. Цели общего образования и философский поиск

Хотя специализированность является одной из базовых характерных черт высшего образования, но излишний упор на специализированность может лишить образование его изначального смысла. Цель университета со-